

Н. А. Хренов

Война в истории проекта модерна: социокультурный контекст

В статье предпринята попытка продемонстрировать, как на протяжении всей истории XX в. происходит угасание столь значимого для мировой истории Нового времени и возникшего на Западе еще в XVIII в. проекта модерна, ставшего исходной точкой вестернизации *мира* и пересоздания социальных и политических структур, не соответствующих определяющему концепту просветительской философии – разуму. Однако в ходе реализации проекта модерна и происходящих в разных странах революций было утрачено осознание определяющей роли в истории культуры. Основная идея статьи – роль Второй мировой войны в осознании разрушительных для культуры императивов модерна. Именно война, оказавшись столь трагическим и катастрофическим в жизни многих народов событием, спровоцировала спасительный инстинкт культуры, мобилизовавший людей на восстановление порядка и нравственной нормы. Именно это событие стало исходной точкой осознания роли культуры в истории. Победой в этой войне мир обязан вовсе не вождям, а именно тем нравственным традициям, которые формировались в культуре на протяжении столетий и носителями которых является народ.

Ключевые слова: Первая и Вторая мировая война, модерн, революция, либерализм, империя, третий Рим, ментальность, мессианизм, вестернизация, надлом.

N. A. Khrenov

War in the History of the Modernist Style Project: Sociocultural Context

In the article is made an attempt to show how throughout the all history of the XX century there is extinction of so significant for the world history of Modern time and the modernist style project which appeared in the West in the XVIII century which became a starting point of westernisation of the world and recreation of social and political structures, not corresponding to the defining concept of educational philosophy – to mind. However during implementation of the project of the modernist style and revolutions occurring in different countries, understanding of the defining role in the history of culture was lost. The main idea of the article – the role of the World War II in understanding of destructive of imperatives of the modernist style for culture. War, being such a tragic and catastrophic event in life of many peoples, provoked the saving instinct of the culture which mobilized people to restore the order and ethical standards. This event became a starting point of understanding of the culture role in the history. In this war the world is obliged for the victory not to all leaders, but to those moral traditions which were being formed in culture throughout centuries and its carriers are the people.

Keywords: The First and Second World War, a modernist style, a revolution, liberalism, an empire, the third Rome, mentality, messianism, westernisation, a break.

1. Вторая мировая война как второй акт Первой мировой войны

Наше обращение к теме войны объясняется недавним появлением фильмов о войне, поставленных Н. Михалковым, Ф. Бондарчуком, С. Урсуляком и др. Военная тема постоянно привлекает художников. Может быть, это в полной мере присуще нашему кино. Советские и русские фильмы о войне стали частью своего рода перманентного ритуала, воскрешающего память о многочисленных жертвах, равных которым, кажется, в истории человечества еще не было. Благодаря этому ритуалу в кинематографических формах из искусства эпохи секуляризации не исчезает стихия сакрального. А именно это во многом способствует единению людей и стабильности общества.

Нельзя не видеть, что образ войны трансформируется вместе с изменениями, подчас радикальными, происходящими в стране на протяжении всей второй половины XX в., да и в начале XXI в. Дело тут не только в изменениях, провоцирующих все новые и новые смыслы, но и в том, что по поводу одного из решающих событий мы имеем не одну, а сразу несколько точек зрения. Так, в книгах В. Суворова подвергаются сомнению давно устоявшиеся оценки Второй мировой войны, что, конечно, спровоцировало дискуссии в среде как отечественных, так и зарубежных историков. В частности, в его книгах маршал Жуков представлен уже не как первый герой, чья деятельность определила исход войны, а как главный виновник имевших место в ходе войны многочисленных жертв.

Такие непримиримые точки зрения о войне существуют не только за пределами России, разворачиваются не где-то там, помимо нас и вне нас. Они касаются всех и каждого потому, что война лишь вскрывает нарыв, имевший место до войны в мирной жизни. А раз так, то к войне причастны все. Поэтому Н. Бердяев и формулирует: «Мы все виноваты в войне, все ответственны за нее и не можем уйти от круговой поруки. Зло, живущее в каждом из нас, выявляется в войне, и ни для кого из нас война не есть что-то внешнее, от чего можно отвернуться» [3, с. 181]. Имеет ли Н. Бердяев в виду отдельных людей, скажем, политиков, дипломатов или глав государств или же речь идет о вине целых народов? Могут ли нести вину за то, что произошло в XX в., целые народы? Война как событие удивительным образом проясняет подспудные процессы той мирной жизни, что ей предшествуют, но также и те, что за ней следуют. Она выводит в сознание то, что, кажется, не существовало, во всяком случае, не осознавалось.

Хотя о войне много говорят и пишут, постоянно ставят о ней спектакли и снимают фильмы, видимо, о ней еще не все сказано. Может быть, еще и потому, что ее пытаются понять, оставаясь всецело в границах лишь собственной истории. В 2014 г. отмечается 100-летие с начала Первой мировой войны. Есть серьезный повод вернуться к этой теме, хотя в данном случае мы будем говорить о Второй мировой войне. В то же время невозможно не отметить, что между этими войнами есть связь. Г. Федотов утверждал, что Вторая мировая война является вторым актом Первой мировой войны. Как известно, Первая мировая война для России стала исходной точкой революции 1917 г. Первая мировая война ускорила крах старой империи. Но этот ее распад разворачивался постепенно. Его можно было прогнозировать уже в XIX в. Если бы не было Первой мировой войны, российская империя существовала бы дольше.

Как тут не вспомнить Гегеля, увидевшего в войне не только негативные, но и позитивные процессы, ускоряющие ход истории. «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей, – пишет Гегель – ... сохраняется нравственное здоровье народов, его безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которые непременно

явились бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира» [5, с. 344].

Следствием Первой мировой войны явился не только распад старой российской империи и революция 1917 г., но и то, что она, в свою очередь, ускорила распад других мировых империй. «Мировая война 1914–1918 гг. вынесла на поверхность тенденцию, подспудно зреющую уже не менее века, – пишет А. Тойнби. – К 1918 г. одна из тех восьми великих держав, которые существовали в 1914 г., совершенно исчезла с политической карты, две другие, искалеченные, находились в состоянии прострации, а одна из более или менее благополучно выживших – в поисках «самоуправления доминионов» [10]. Первая мировая война ускорила утрату лидерства Запада в мировой истории, продолжавшегося несколько столетий, что, конечно, обеспечивало в мире некоторое единство и стабильность, но, в то же время, и сдерживало развитие духовного потенциала разных народов. В течение длительного времени они находились под воздействием существующих империй, но уже успели созреть для более активного вмешательства в историю.

Ограничим пока свое внимание тем, что, являясь следствием Первой мировой войны, русская революция 1917 г. имела последствия для всей мировой истории не только в позитивном смысле. Если она явилась следствием Первой мировой войны, то и сама она имела последствия. Например, без нее трудно понять возникновение и быстрое распространение на Западе фашизма. Не случайно наш философ-эмигрант И. Ильин появление фашизма в Германии ставил в одной из своих статей, написанных после войны, в зависимость от исхода Первой мировой войны и, в частности, от русской революции 1917 г. «Фашизм возник как реакция на большевизм, – пишет он – как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах; в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в Древнем Риме, так бывало и в новой Европе, так будет и впредь» [8, с. 75]. Конечно, фашизм не исчерпывается вспышкой государственно-охранительных сил. И. Ильин объясняет лишь причины возникновения фашизма и не рассматривает всю сложность

его проявления, заслуживающую гораздо более серьезной оценки.

2. Вторая мировая война в ракурсе российской ментальности

Вторая мировая война – событие исключительной важности как для нас, русских (не случайно мы ее называем Отечественной войной), так и для остальных народов. Это событие мирового значения. Мы попытаемся это показать, соотнося его с тем мировосприятием, что возникло в XVIII в., получило обозначение как *модерн* и имело колоссальное воздействие на умы людей и на исторические процессы на протяжении всех последующих столетий. Но для того, чтобы к этой, пока еще не обсуждаемой в литературе, теме подойти, мы попробуем предварительно обсудить две темы: значимость этой войны для России и значимость ее для народов других стран и всего человечества. Эти две темы мы мыслим как ступеньки, позволяющие затем обсудить вопрос об отношениях этой войны и мировосприятия модерна, которое хотя и признано уходящим в прошлое, но, судя по амбициозным установкам некоторых лидирующих в мире государств, все еще продолжает быть активным.

Почему Вторая мировая война – исключительное событие для русских? Потому, что она затронула самые проблемные, узловые моменты нашей ментальности и нашей коллективной идентичности, вызванные к жизни еще в эпоху Средневековья. Именно потому, что она затронула ментальность, она должна быть рассмотрена в истории культуры, осмыслена в контексте русской культуры. Очень многие проблемные комплексы, которые сформировались в удаленные эпохи и, казалось, уже не существуют, активизируются в процессе войны и входят в сознание. В этом смысле Н. Бердяев прав, утверждая, что война имеет отношение к каждому из нас.

Происхождение некоторых комплексов, характерных для исторической психологии русских, связано еще с идеей инока Филофея, ставшего государственной идеей, а она, в свою очередь, стала той самой «русской идеей», о которой в последние 20–30 лет много говорят. В либеральную эпоху, в которой мы сегодня существуем, кажется, признано, что это плод воображения. Но ведь в ментальности многое не только от реальности, но и от воображения. Проявив к «русской идее» интерес в ельцинскую эпоху, исследователи, находившиеся под влиянием либеральных идей, тут же ее и отвергли. И это совершенно понятно. Но отмахнуться от этого не-

возможно, поскольку идея Филофея затрагивает одну из тех культурных и духовных традиций, которые были ассимилированы русскими и определили нашу ментальность как в ее позитивных, так и, возможно, в негативных моментах.

Мы отдаем отчет в том, что далеко не все могут согласиться с таким видением войны, которое мы ставим в зависимость от ментальности русских. Но если этого не делать, то мы не поймем установки, что срабатывали в прошлом, и мы не поймем даже то, что происходит сегодня, в первые десятилетия XXI в. А наш актуальный политический опыт свидетельствует, что мы продолжаем быть верными тому, что было решающим в прошлые столетия.

Русские когда-то назвали себя Римом, третьим Римом, подхватив эстафету в Византии. Этот факт всем известен, хотя едва ли до конца осмыслен. Но его конечное осмысление в современной ситуации оказывается неудобным, не соответствующим либеральным императивам. Оно может привести к изменению тех особых взаимоотношений России с Западом, которые весьма удобны в период ассимиляции и утверждения в России западного либерализма. Между тем, А. Тойнби, а не кто-либо из современных русских консерваторов, придавал определяющее значение воздействию на Россию именно Византии, что определяло отношение России к Западу не только на протяжении нескольких столетий, но даже и в XX в., когда Россия развивалась в соответствии с установками марксизма [11, с. 374]. Заимствованная на Западе марксистская теория, как оказывается, не исключала следования византийской традиции. А иначе, как понять то, что большевики стремились реализовать свои идеи на фундаменте жесткой государственности.

Ведь Рим, как позднее и Византия, подобно сегодняшней Америке, в свое время претендовал на лидерство в мировой истории, да отчасти и осуществлял эту идею в реальности. То же самое стремилась делать и Византия. Потому Византия и называлась вторым Римом. Но, подхватывая эту эстафету у Византии, русские добровольно, в соответствии с логикой эстафеты, принимали ответственность за судьбу всех остальных народов, не важно, нуждались эти народы в этом или нет. Такая ответственность потребовала колоссального напряжения и, разумеется, собранности, дисциплины и ограничения свободы. Может быть, именно этим ограничением свободы можно объяснить то обстоятельство, что русские вызвали к жизни сильное государство, а точнее,

одну из могущественных империй, хотя, казалось бы, такое бремя психологии русских и не соответствовало. Но раз Рим второй был империей, то такова судьба русских. Россия тоже должна быть империей.

Такая твердыня была гарантией осуществления принятого бремени ответственности за судьбы мира. Это и есть мессианизм. Империя – залог прочности и стабильности не только российского универсума, но и всего мироздания. Эта тема часто осмысливается под особым углом зрения, когда критикуется известная предрасположенность российской государственности к тоталитаризму. По мнению многих, вина за этот уклон лежит исключительно на правящей элите. Но в том-то все и дело, что ответственность, упавшая на плечи русских, – это не только внедряемая в них властной элитой ответственность, но и добровольно принимаемая всеобщая, а следовательно, и идущая снизу ответственность, что и позволяет утверждать, что эта ответственность становится для ментальности русских определяющей.

Но всегда ли в исторической реальности русские оказывались способными осуществлять эту ответственность, несмотря на приносимые на алтарь не чужого, а собственного государства добровольные жертвы? Хотя на счету российского государства множество ярких страниц, тем не менее, такая исключительная ответственность не всегда осуществлялась. Это обстоятельство стало основой трагедии, без которой, видимо, русской ментальности не существует. Ведь в истории трагедия возникает каждый раз только у тех народов, которые ставят перед собой великие цели и пытаются их реализовать.

Приходится удивляться тому, что в нашем искусстве не получает развития трагедия как жанр, уступая место развлечениям. Особенно сегодня, хотя именно сегодня не так уж много поводов для этого. Такое ощущение, что хочется о чем-то поскорее забыть, от чего-то тяжелого отвлечься. Лишь обращение к военной теме пробуждает в нас не чуждое нам чувство трагического, вызывает к жизни тот катарсис, что возникает от соприкосновения с сакральным. Но война и есть грандиозный сакральный акт, незримо обеспечивающий наше единство. Если еще и есть сегодня у нас что-то, что нас объединяет, то это, несомненно, память о тех, кто пожертвовал своими жизнями и чист от вакханалии потребительства, которая, как раковая опухоль, в последние десятилетия в России распространялась. И именно

память о войне, а не театрализованное и поверхностное православие позволяет нам культивировать нечто религиозное и сакральное.

Религия вообще начинается с обожествления умерших героических предков. Не случайно у Ф. Достоевского есть такая мысль: «Если бы не было войны, искусство бы заглохло окончательно. Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой. Пойдите в трагедию, смотрите на статуи: вот Гораций Корнеля, вот Аполлон Бельведерский, поражающий чудовище» [6, с. 124]. Вот и наше искусство, переживая перманентный кризис, постоянно черпает в войне веру в то, что в мире существует что-то, перед чем следует склонить голову.

Может быть, этот ментальный комплекс объясняет, почему Россия пыталась, в том числе и в XX в., не только сохранять государственность в форме империи, но и заново ее возрождать, хотя, кажется, что она уже ушла в прошлое. Причем государственность в ее самой жесткой форме, требующей ограничения свободы личности. Этот мотив, кстати, звучит в фильме А. Сокурова «Александра», воспроизводящем атмосферу военных действий в Чечне. Дело доходит до того, что, как отмечал Н. Бердяев, невозможность избавиться от культа государственности, который русский народ постоянно в истории воспроизводит, приводит его к амбивалентному отношению к государству. Русский народ не очень любил свою государственность, но, с другой стороны, и не мог без нее обойтись. Может быть, именно это обстоятельство объясняет, почему в России эпохи оттепели, а значит, либерализации, постоянно сменялись возвращением к жесткой государственности. Эта историческая закономерность прослеживается в книге А. Ахиезера [1].

Русский человек готов даже к ограничению личной свободы. Готов ради всеобщего мира, братства и единения. Об этом убедительно писал Г. Федотов. Философ показал, что в психологии народов продолжают сохраняться древнейшие структуры, способные в ситуации политических катастроф демонстрировать свою активность. Причем такие культурно-исторические слои способны получать выражение в существующих базовых психологических типах. Так, применительно к России Г. Федотов утверждает, что в ее культуре существуют два таких базовых типа личности. Первый тип он называет вечным искателем, максималистом и беспочвенником. Такой тип получил обозначение как странник. Второй тип является жестко-волевым, оказавшимся в

средневековой Руси строителем третьего Рима. Г. Федотов называет его фаталистом, не доверяющим разуму. В нем остаются реальными восточные архетипы. Буйство стихийных сил в нем укрощено вековой дисциплиной. Характеризуя этот тип, философ пишет: «Спокойная, уверенная в себе сила. За молчанием чувствуется глубокий, отстоявшийся в крови опыт Востока» [12, с. 175].

Любопытно, что вечный искатель и максималист проявил себя в революции, а вот тип средневекового москвитянина стал психологической основой возведения «третьего Рима» в сталинской редакции. «Это московский человек, – пишет Г. Федотов, – каким его выковала тяжелая историческая судьба. Два или три века мяли суровые руки славянское тесто, били, ломали, обламывали непокорную стихию и выковали форму необычайно стойкую. Петровская империя прикрыла сверху европейской культурой Московское царство, но держаться она могла все-таки лишь на московском человеке. К этому типу принадлежат все классы, мало затронутые петербургской культурой» [12, с. 177]. Измученный революциями и Гражданской войной беспочвенник и скиталец – русский европеец уходит на периферию. На смену ему приходит и проявляет активность восточный тип – москвитянин, благополучно отсидевший в русской деревне два столетия императорской России. «Вековая привычка к повиновению, слабое развитие личного сознания, потребности к свободе и легкость жизни в коллективе, “в службе и в тягле” – вот что роднит советского человека со старой Москвой» [12, с. 186].

Представляется, что именно этот психологический тип приходит каждый раз после очередных революций и радикальных реформ. В истории России он всегда приходил, приходит и сейчас. Г. Федотов позволяет понять психологические основания чередующихся в России периодов оттепели и заморозков, что и показано в книге А. Ахизера, хотя его и не интересовали психологические аспекты русской истории. Тем не менее, несмотря на несходство базовых психологических типов, основные особенности русской ментальности, связанной со стремлением к всеобщему братству, ради которого можно принести в жертву многое, в том числе свободу, в любом случае сохраняются.

Такие качества, то есть стремление к всеобщему братству (отсюда и ответственность за судьбы других народов), ради которого можно

пожертвовать личной свободой, немецкий философ В. Шубарт провозгласил особенно значимыми для XX в., а народ – обладатель этих ментальных свойств, согласно его теории, должен занять в новой истории место лидера. Почему же в истории возникает новая ситуация? И почему требуется именно такой тип личности? Выясняется, что история уже давно развивается под знаком единства, что сегодня получило название глобализации, между тем, не все народы, в том числе, и те, что претендуют на роль лидера в истории, этому новому процессу в истории соответствуют.

Расхождение между ментальностью конкретных народов, с одной стороны, и новыми целями истории существенной проблемой считает даже А. Тойнби. Он приходит к выводу: то общество, которое многое сделало для утверждения мирового единства, а под ним он, естественно, подразумевает Запад, менее всего этой цели лидера соответствовало. Более того, А. Тойнби выразился еще более определенно: «Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять» [11, с. 306]. Поэтому, говорит он, человечество, если оно будет идти западным путем, никогда не сможет достичь политического и духовного единства.

По мнению В. Шубарта, обладателем этих сплачивающих и обеспечивающих единство качеств оказывается русский народ, и его ожидает большое будущее. Раз Запад утрачивает лидерство в мировой истории, то возникает альтернатива. Это ставит Россию в новое положение. По поводу радикальных «геологических» сдвигов в истории XX в. Н. Бердяев пишет так: «И если близится конец провинциально замкнутой жизни Европы, то тем более близится конец провинциально-замкнутой жизни России. Россия должна выйти в мировую ширь. Конец Европы будет выступлением России и славянской расы на арену всемирной истории, как определяющей духовной силы» [3, с. 126].

Мысль русского философа как раз и подхватывает немецкий философ В. Шубарт. В своей книге о России он напишет следующее: «В иоанническую эпоху центр тяжести культуры снова сместится. Потому что эон мессианского человека с его религиозной душой не может смириться с духовным лидерством северных народов, привязанных к земному. Он передаст лидерство в руки тех, кто обладает склонностью к сверхмирному в виде постоянного национального свойства, а таковыми являются славяне, и в особенно-

сти – русские. Грандиозное событие, которое сейчас готовится, – это восхождение славянства как ведущей культурной силы. Возможно, это кому-то режет слух, но такова судьба истории, которую никому не дано остановить: грядущее столетие принадлежит славянам» [13, с. 22].

Когда развернулась Первая мировая война, о ментальности народов никто не размышлял. Французская школа историков, сосредоточившаяся на проблеме ментальности, появится позднее. Поэтому ментальность и ее влияние никто в расчет не брал. Но она, тем не менее, многое в истории, в том числе, в возникновении и прекращении войн, определяла. Однако о ее присутствии и активности знали поэты. Не случайно поэты, в том числе, и современные, например, Е. Евтушенко, в поэзии которого снова возродился планетарный пафос и чувство ответственности за все, что происходит в мире, что было характерно, например, для В. Маяковского, проговариваются, и этот ментальный комплекс братства выходит в сознание. Об этом свидетельствует, например, поэма Е. Евтушенко «Под кожей статуи свободы», в которой есть такие строчки: «Морально наг, морально бос, / Родителей проклятье, / Я все же верую, как Бернс: / все люди станут братья!» [7, с. 235]. Вот этот столь характерный для русских ментальный комплекс у поэта трансформируется в планетарный комплекс. Это один из ярких примеров выражения ментальности в поэтической форме.

Осознавая особую ответственность за судьбу других народов, сделав ее своей, русский народ на длительное время оказался во власти этого ментального комплекса. Он нуждался в том, чтобы осознание этой ответственности подтверждалось в реальности. В русской истории, в народном сознании значимыми оказывались лишь те события, которые эту идею подтверждали. История ведь воспринимается в соответствии с ментальностью. Нам, русским, свойственно особое отношение к истории, которое может и не совпадать с ментальными установками других народов. Мы по-своему прочитываем и свою собственную историю, и историю других народов в соответствии с ментальными установками, но они и есть установки культуры. Получается, что нужно отличать войну как реальное, объективно происходящее событие истории, от того ментального образа, который присваивается войне массовым сознанием. Этот образ возникает и утверждается в глубокой истории.

Наконец, мы приближаемся к ответу на вопрос, почему Вторая мировая война оказалась для нас, русских, исключительным событием. Да, Вторая мировая война оказалась очередным, но и весьма редким в нашей истории событием. Событием с большой буквы, подтверждающим присущее нам мессианское отношение к миру. Это не просто событие, а символическое для нашей истории событие. Свойственное русским отношение к другим народам, к миру вообще подтвердилось именно во Второй мировой войне. Мы говорим «очередным», поскольку предшествующим событием такого рода для русских должна была стать революция 1917 г., которая мыслилась русскими, вопреки марксистской упаковке, тоже в мессианском средневековом духе, но, к сожалению, в реальности таковой не стала. Слишком трагическими оказались результаты, разочаровавшие не только самих русских людей, но в еще большей степени другие народы, первоначально и в самом деле готовые связывать с русской революцией большие надежды.

В какой-то степени русская революция имела серьезные последствия для всей мировой истории. В литературе это, естественно, часто отмечается. Она продемонстрировала, что вестернизация, определявшая в предшествующие столетия ход мировой истории, недолговечна. Этой революцией был продемонстрирован прецедент – если и не выход за пределы европоцентризма, то, во всяком случае, утверждение самостоятельности отдельных регионов по отношению к Западу. Она свидетельствовала, что существование вне пределов вестернизации возможно.

Но, конечно, что касается идеи братства народов, то провозглашенный в ходе революции лозунг не только не был реализован в мире, но не был реализован даже в своей собственной стране, о чем свидетельствовали террор и Гражданская война. Русские не только не смогли освободить другие народы, а идея мировой революции как раз и преследовала эту цель, им не удалось освободить даже себя. Революция выпустила не только светлые, но и темные разрушительные силы. Революция и в самом деле стала исходной точкой Второй мировой войны. Так что трагические последствия революции, несмотря на некоторые ее позитивные стороны, налицо. Когда-то Э. Берк, подводя итоги Французской революции конца XVIII в., писал, что вместо свободы, достижение которой революция ставила своей целью, она привела к рабству.

Наверное, регресс происходит во всех революциях, не исключая и русскую. Этой революцией было только доказано, что цель не оправдывает средства. И цель оказалась утопической, и средства использовались слишком бесчеловечные. По мере осознания трагедии мы стали терять доверие других народов. Даже тех, которые еще недавно входили в состав Советского Союза. Этот процесс продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Таким образом, можно считать, что цели, поставленные революцией и соответствующие ментальности русских, в реальности не осуществились. Что делать, в истории редко что осуществляется. Придется это пережить.

На этот факт исторических неудач, кстати, обращал внимание Н. Бердяев. Он писал: «Если смотреть на исторический процесс с точки зрения имманентного разрешения задач, которые в нем ставятся, разрешения их внутри потока времени, то нельзя не прийти к самым пессимистическим, безнадежным результатам, потому что, с этой точки зрения, все попытки разрешения всех исторических задач во все периоды должны быть признаны сплошной неудачей. В исторической судьбе человека, в сущности, все не удалось, и есть основание думать, что никогда и не будет удаваться» [2, с. 154]. Конечно, эти суждения философа были навеяны настроениями, посетившими его после русской революции. Ведь с точки зрения философа русская революция тоже оказалась неудачей, да и все революции в принципе кончались реакцией, отбрасывающей общества в прошлое. Русская революция вернула Россию снова к жесткой государственности, то есть к византийской традиции. Хотели как лучше... Движение к прогрессу, ради которого принесено столько жертв, обернулось регрессом.

А вот исход Второй мировой войны имел другой эффект. Он подтверждал ментальный комплекс. Действительно, свобода других народов оказалась в зависимости от русских. Ради этой свободы русские люди принесли многочисленные жертвы. Именно поэтому Вторая мировая война, а не революция 1917 г. стала для русских исключительным событием, что подтверждает наше искусство всей Второй половины XX в., которое постоянно обращается к этой теме. Именно Вторая мировая война, а не революция 1917 г., казалось, подтверждала тезис В. Шубарта о восхождении России в мировой истории.

Когда Г. Федотов попытался прогнозировать расклад сил на мировой арене после Второй мировой войны, он говорил, что должно появиться

новое мировое государство в виде империи, которое встанет во главе всех остальных народов. Такая империя, доказывал он, возможна в двух вариантах: российском и американском. Обеспечив победу прогрессивных сил во всем мире, Россия и в самом деле заслуженно претендовала на роль ведущей державы мира. Казалось, что прогноз В. Шубарта, сделанный в пользу России, реализуется. Аргументируя свой прогноз, Г. Федотов рассуждал так: если возобладают российский или советский вариант, то произойдет ограничение по всему миру свободы, ибо такова в России традиция, то есть византийская традиция («Истребление высших классов и всех носителей культуры, дышавших воздухом свободы и не желающих от нее отказаться. Массовые козни в первые годы, каторжные лагеря на целое поколение») [2, с. 312].

Иначе говоря, то, что в стране произошло в ходе русской революции и после нее, может осуществиться уже во всем мире. Если же утвердятся второй вариант – на основе опыта Америки, то, конечно, в этом случае со свободой будет все обстоять благополучно, и не будет основания опасаться порабощения народов. Правда, и в этом случае имеются свои уязвимые стороны («У свободных народов нет вкуса к насилию, и это прекрасно. Но в настоящее время у них нет и вкуса к власти, и это опасно») [12, с. 315]. Об этой опасности, которая угрожает либерализму, писал, как бы продолжая мысль Г. Федотова, А. Солженицын. Опасность эта связана с тем, что констатировали еще античные философы: утверждение либеральных тенденций может привести к диктатуре.

Хотя в послевоенной реальности все, казалось, развивалось в сторону российского варианта, тем не менее, война с участием армии имела своим продолжением то, что У. Черчилль в своем фултоновском докладе назвал «холодной войной». В этом докладе он пронизательно улавливал ту несвободу, что могла прийти с Востока. Образ свободы, ассоциирующийся с Америкой, оказался на многие десятилетия более привлекательным. Место лидера заметно начала занимать Америка. В. Кожинов точно писал о том, что уже трагедия Хиросимы была своеобразным высказыванием на тему: кто отныне в мире хозяин. «Американское правительство совершенно точно знало, – писал он – что через две-три недели Япония капитулирует, никаких сил уже нет. Это было сделано для того, чтобы показать, кто отныне хозяин мира. Ради этого

десятки тысяч людей были превращены в радиоактивную пыль. И решение приняли ничем не рисковавшие люди» [4, с. 221].

Парадокс же состоит в следующем: для того, чтобы утвердить себя именно в роли мирового лидера, Америка как транслятор передовых либеральных идей и свободы должна была трансформироваться в империю, и она такой стала. Да, мы – империя, – пишет американский историк Томас Мэдден [9]. Но какая? Т. Мэдден рассуждает так: бывают империи подчинения. Практически в истории все империи такими и были. И бывают империи доверия. Такие империи – исключение. Но такой была римская и такой империей доверия сегодня преподносит себя миру Америка. Она не имеет стремления ввязываться во все мировые конфликты. Но, утверждает Т. Мэдден, если ей приходится это делать, то только потому, что она вынуждена реагировать на просьбу других народов о помощи. Едва ли это так. История с Ближним Востоком свидетельствует о том, что не все в реальности делается так, как провозглашается.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. Россия: Критика исторического опыта. – Т. 1. От прошлого к будущему [Текст] / А. Ахиезер. – Новосибирск, 1997.
2. Бердяев, Н. Смысл истории [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990.
3. Бердяев, Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1918. – С. 181.
4. Вадим Кожин в интервью, беседах, диалогах и воспоминаниях современников [Текст]. – М., 2005. – С. 221.
5. Гегель. Сочинения. Т. VII. Философия права Гегель [Текст]. – М.; Л., 1934. – С. 344.
6. Достоевский, Ф. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 22 [Текст] / Ф. Достоевский. – Л., 1981. – С. 124.
7. Евтушенко, Е. Собрание сочинений в 3-х т. – Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1965–1972 [Текст] / Е. Евтушенко. – М., 1984. – С. 235.

8. Ильин, И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2-х т. – Т. 1 [Текст] / И. Ильин. – М., 1992. – С. 75.

9. Мэдден, Т. Империя доверия. Как Рим строил новый мир. Как Америка строит новый мир [Текст] / Т. Мэдден. – М., 2010. – С. 21.

10. Тойнби, А. Постигание истории [Текст] / А. Тойнби. – М., 1991.

11. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории [Текст] / А. Тойнби. – М., 2003.

12. Федотов, Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2 [Текст] / Г. Федотов. – СПб., 1992.

13. Шубарт, В. Европа и душа Востока [Текст] / В. Шубарт. – М., 1997.

Bibliograficheskiy spisok

1. Akhiezer, A. Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta. – T. 1. Ot proshlogo k budushhemu [Tekst] / A. Akhiezer. – Novosibirsk, 1997.
2. Berdyayev, N. Smysl istorii [Tekst] / N. Berdyayev. – M., 1990.
3. Berdyayev, N. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii vojny i natsional'nosti [Tekst] / N. Berdyayev. – M., 1918. – S. 181.
4. Vadim Kozhinov v interv'yu, besedakh, dialogakh i vospominaniyakh sovremennikov [Tekst]. – M., 2005. – S. 221.
5. Gegel'. Sochineniya. T. VII. Filosofiya prava Gegel' [Tekst]. – M.; L., 1934. – S. 344.
6. Dostoevskij, F. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. – T. 22 [Tekst] / F. Dostoevskij. – L., 1981. – S. 124.
7. Evtushenko, E. Sobraenie sochinenij v 3-kh t. – T. 2. Stikhotvoreniya i poehmy. 1965–1972 [Tekst] / E. Evtushenko. – M., 1984. – S. 235.
8. Il'in, I. Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushhee Rossii. Stat'i 1948–1954 godov: v 2-kh t. – T. 1 [Tekst] / I. Il'in. – M., 1992. – S. 75.
9. Mehdden, T. Imperiya doveriya. Kak Rim stroil novyj mir. Kak Amerika stroit novyj mir [Tekst] / T. Mehdden. – M., 2010. – S. 21.
10. Tojnbi, A. Postizhenie istorii [Tekst] / A. Tojnbi. – M., 1991.
11. Tojnbi, A. TSivilizatsiya pered sudom istorii [Tekst] / A. Tojnbi. – M., 2003.
12. Fedotov, G. Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. T. 2 [Tekst] / G. Fedotov. – SPb., 1992.
13. SHubart, V. Evropa i dusha Vostoka [Tekst] / V. SHubart. – M., 1997.